

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВРАЧА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Ю. Г. Фатеева

*Кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

THE CONCEPT OF "DEATH" IN THE PROFESSIONAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF A DOCTOR (ON A MATERIAL OF FICTION)

J. G. Fateeva

*Candidate of Philological Sciences, senior teacher,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia*

Abstract. In the article the concept of "death" analyzed in an article in the context of a professional medical language picture of the world. The material analysis is fiction doctors. The object of analysis is the concept of "death" in prose D. Tsepov, T. Solomatina, A. Ulyanov. We study the linguistic identity of the medical worker from the position of the selection of linguistic material, creating the concept of "death". The study found that the concept of death is associated with the concept of "blood." The color of blood is a sign of a major differential in creating this concept. However, understanding of the color of blood as a symbol of life and death different from the authors. The reason for this in a variety of medical situations. The differences in the perception of death are considered in the article, taking into account the specifics of the professional activity of the doctor. The visual image of death is mainly built up with the medieval image of death traditions.

Keywords: language picture of the world; professional language picture of the world; language personality; professional language person; medicine; health care worker; a doctor; the death of the physical; physiological death.

Современные политические и экономические процессы в сочетании со стремительным развитием технического прогресса способствуют стиранию межкультурных границ. Это в свою очередь приводит к тому, что все чаще возникает вопрос национальной самоидентификации. Лингвистика также «откликнулась» на основную проблему современности, в результате чего объектами пристального внимания науки стали понятия «языковая личность», «языковая картина мира» и т. д.

Данные понятия рассматривались в трудах Н. Ф. Алефиренко [1], С. А. Аскольдова [3], А. Вежбицкой [5], С. Г. Воркачевы [6], Д. С. Лихачева [12], В. И. Карасика [10], Ю. Н. Караулова [11] и др. Как правило, данные понятия ученые связывают с ментальными и языковыми особенностями определенного этноса (Лихачев; Карасик; Алефиренко и т. д.). Между тем, результаты исследования

языковой картины мира того или иного народа применимы и к изучению профессиональной картины мира.

Напомним, что сравнительно недавно попавшее в поле зрения ученых понятие «профессиональная языковая картина мира» включает в себя такие понятия, как «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональный дискурс», «языковая личность» [9]. Вместе с тем стоит уточнить, что «...профессионалы, принимающие свою профессию как образ жизни, приобретают особое видение окружающего мира, особое отношение к ряду объектов, а часто и особые свойства перцепции, оптимизирующие взаимодействие с этими объектами» [2, с. 128]. Бесспорно, образ жизни накладывает отпечаток и на язык профессионала, именно поэтому представляется возможным говорить о профессиональной языковой картине мира.

Базовым понятием при определении особенностей языковой картины мира является понятие «концепт», в структуру которого ходит «...все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [16, с. 41]. Однако такое понимание концепта, по мнению ученых, относится скорее к наивной картине мира. Профессиональный мир во многом по-иному воспринимает реалии мира, вводя в структуру концептов новые нюансы значения. Примером такого концепта, состав которого отличается в наивной картине мира и профессиональной языковой картине мира врача, является концепт «смерть».

Отметим, что каждая наука пытается дать свое, исчерпывающее определение смерти. Например, «Энциклопедический словарь» понимает слово смерть следующим образом: «1. Смерть – может быть рассматриваема как прекращение жизнедеятельности организма и как прекращение жизнедеятельности клеток, его составляющих, и, наконец, как исчезновение из современной фауны целого вида. Таким образом, мы должны отличать: С. индивидуальную, С. тканей организма и С. вида.» [14, с. 398].

Медицинский словарь полагает, что смерть – это «прекращение жизненных функций. Диагноз смерти ставится на основании полного прекращения сердцебиения. Смерть мозга (brain death) определяется по полному прекращению функции центров ствола головного мозга, которые контролируют дыхательный, зрачковый, а также некоторые другие жизненно важные рефлексы» [4, т. 2, с. 268].

Таким образом, ключевое понятие, характеризующее концепт «смерть», – это «прекращение», остановка, в сочетании с прилагательными «необратимое», «полное», что является синонимом слова «абсолютная».

Вместе с тем, смерть – явление частое, порой даже обыденное; смерть – это неизбежный конец всего на земле: человеческой жизни, отношений, народов, цивили-

заций. Смерть человека многолика: гибнет его тело (физическая смерть), гибнет его разум (интеллектуальная смерть), человек перестает быть социально активным (социальная смерть) и т. д. Сталкиваясь со смертью ежедневно, человек выработал определенный стереотип отношения к ней, сформированный на основе ментальных представлений о ней.

Отношение к смерти – это определенные жизненные установки, имеющие отношение к формированию личности и потому закрепленные в картине мира. Во многом эти установки определяются, по мнению ученых, культурным, религиозным сознанием индивида, потому как «смерть не может рассматриваться вне религиозного контекста. И отрицание этого факта грозит колоссальными заблуждениями, редукцией смерти до факта биографии, социальной проблемы...» [13, с. 116]. Однако такое мнение нам не представляется исчерпывающим по отношению к представителям различных религиозных конфессий, профессиональных групп и т.д. Например, восприятие смерти врачами в большинстве случаев отличается от переживаний обычного человека, что нашло отражение в профессиональной языковой картине мира врача.

Отметим, что медицинские работники в профессиональной деятельности сталкиваются с ситуацией смерти чаще, чем большинства представителей других профессий. Одной из наиболее трагичных в настоящее время является ситуация смерти пациенток в акушерстве. Например, историей о столкновении со смертью является рассказ Д. Цепова с шокирующим названием «Я люблю кровотечения», в котором концепт «смерть» тесно связан с традиционным восприятием этого явления.

Примечательно, что отношение героя к акушерскому кровотечению неоднозначное: «Дело в том, что я люблю кровотечения. И боюсь их» [19, с. 72]. Герой рассказа описывает патологические отношения: любовь и страх, испытываемые одновременно, трудно назвать нормой. Далее автор также использует сравнение:

«Кровотечение – это как пощечина» [19, с. 72].

Случай кровотечения ставит перед героем реальности смерти пациентки: «Оно (кровотечение. – Ю. Ф.) всегда пытается унести чью-то жизнь, а мы всегда против» [19, с. 72]. При этом с помощью синтаксиса обозначается расстановка сил: перед нами вечное «противостояние» врачей и кровотечения-смерти, приобретающего в таком контексте черты реального, осязаемого враждебного существа. Обозначая свою позицию как «мы всегда против», автор подчеркивает, что такое положение вещей однозначно, что ни один врач не учитывает контекст ситуации и всегда готов бороться за жизнь пациента до конца.

Параллель концепта «смерть» и «кровь» встречаем в описании атонического кровотечения: «Атония матки – это убивец... методичный и беспощадный маньяк...» [19, с.73]. Обращает на себя внимание просторечная, по мнению лингвистов, например, Д. Ушакова, форма слова «убийца». Однако, представляется, что в современном русском языке слово «убивец» воспринимается как устаревшее. Использование в этом же контексте слова «маньяк» дополняет значение основного концепта: у маньяка всегда извращенные причины убийства, при этом убийство молодой матери всегда считалось наиболее тяжким преступлением. Таким образом, смерть в данном контексте воспринимается как насильственная.

Описание ситуации, смертельно опасной для пациентки и психологически напряженной для медицинского персонажа, осуществляется с помощью концепта «кровь»: «А кровь тем временем из темно-красной становится алой... светло-красной и почти розовой... и тут ты делаешь паузу, потому что понимаешь, что такого цвета кровь не бывает...» [19, с. 75]. Отметим, что в художественной литературе оттенок крови является способом иллюстрирования страдания героя: так, чем темнее оттенок упомянутого цвета, тем сильнее угроза. Однако в реальности медицины нередко цвет крови имеет противоположное значения: темно-

красная кровь – это символ жизни, а светлая, розовая – символ смерти, потому что не соответствует реальному цвету крови.

Бесспорно, концепт «кровь» часто становится синонимом концепта «смерть» при описании различных акушерских ситуаций. И огромное значение здесь играет именно цвет крови: розовый у Д. Цепова и темный, почти черный у Т. Соломатиной: «Не так страшны расслабляющиеся сфинктеры, как темная кровь, истекающая из влагалища и раны. И ты умоляешь ее литься. Но нет. Она застывает мерзкой липкой студенистой массой. Эта обычно такая живая, струящаяся кровь. Не слизи, изливающиеся на тебя, и предсмертный глухой гортанный хрип пугают тебя. А эта кровь – то вдруг внезапно брызнувшая яркой алой струйкой, дарящей надежду, то застывшая пятном раздавленного мертвого насекомого...» [15, с. 92].

В ситуации кровотечения кровь в сознании Д. Цепова одушевляется: «Матка не сокращалась. Из-под пациентки, лежащей на операционном столе, течет на пол тоненькая, но вполне уверенная в себе струйка крови» [19, с. 77].

Интересно, что в рассказе «Я люблю кровотечение» персонифицируется образ смерти, а профессиональная картина мира врача становится идентичной мифологической: «...за плечом у тебя стоит смерть и неторопливо ждет, пока тебе наскучит эта битва за жизнь... или пока ей наскучит смотреть...» [19, с. 75]. Напомним, что наиболее распространенным изображением смерти является рисунок существа в черном плаще с капюшоном и с косой в руках, что символизирует собой представление о том, что смерть «косит косой». Подобное изображения смерти появилось, по мнению историков, после вспышки чумы в Германии в XIV веке. В живописи смерть с косой была изображена впервые Дюрером в 1513 году в гравюре «Рыцарь, смерть и дьявол», после чего коса стала обязательным атрибутом, сопровождающим изображение смерти. Позднее такой образ смерти стал использоваться только в аллегорическом значении.

Смерть в образе жнеца, с которым возможно бороться и даже договориться, предстает перед читателем и в книге Т. Соломатиной. При этом для автора смерть – это то, что примиряет всех, оттеняет жизнь, расставляет приоритеты: «...буквально только что – полчаса назад – вы спасли Жизнь. Вернее, уговорили Смерть не торопиться. Убедили ее в том, что вызов – ложный и даже заплатили неустойку. Кусочком своей Жизни. Своих жизнью» [15, с. 36].

В русской языковой картине мира концепт «смерть» наполняется антропоморфными признаками: она приходит, забирает и т.д. «Живой» смерть предстает и в произведениях пишущих врачей. Например, герой А. Ульянова утверждает, что «смерть ничего не знает о нормированном рабочем дне, о тридцати календарных днях отпуска и выходных. Да и на государственные праздники ей совершенно наплевать. И уж если она заявится с визитом, в компании парочки своих, еще теплых, неофитов – кто-то из живых должен ее радушно встретить» [17, с. 57].

Образ смерти, созданный в художественной литературе о врачах, с одной стороны, укладывается в традиционное представление о ней: она находится неподалеку от умирающего и просто ждет своего часа. Однако здесь смерть выступает наблюдателем, который способен испытывать любопытство, нетерпение и прочие чувства. Наделение смерти характеристиками живого человека свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в представлении врачей она – почти реальный персонаж, в крайнем случае, реальная сила, с которой приходится считаться.

Интересно, но не все представители медицинской профессии или медработники стереотипно воспринимают смерть. Так, ее образ, созданный автором «Записок санитары морга», разительно отличается от традиционного представления о ней: «На пороге отделения стояла худощавая поджарая старушка, невысокая, с коротко стриженными кудрявыми волосами, выкрашенными в ядовито-рыжий цвет, не встречающийся в естественной природе.

Ее выразительное скуластое лицо, с большим высоким лбом и огромными, совсем молодыми черными глазами, притягивало к себе взгляд. Одета она была в фиолетовую потрепанную вязаную кофту и длинную цветастую юбку, из-под которой виднелись черно-белые, выдавшие виды, кеды. Пальцы ее правой руки, которой она упиралась на красный старомодный зонт, были унизаны множеством перстней с крупными разноцветными камнями. В левой она сжимала измятую потухшую папиросу, воняющую дешевым куревом» [17, с. 236]. Таким образом, смерть в произведении А. Ульянова предстает максимально очеловеченной, это объясняется тем, что герой, сталкиваясь со смертью каждый день, видимо, не способен воспринимать ее как нечто отвлеченное, для него она реальна. Такое отношение объясняется, видимо, тем, что «пациенты» героя А. Ульянова уже мертвы, он не сталкивается ежедневно с их страданиями, не видит момента угасания в них жизни, что, в свою очередь, также накладывает отпечаток на восприятие смерти: герой работает с ее последствиями и живых людей воспринимает в другом аспекте.

Аналогично картине мира патологоанатомов понимание смерти врачами операционной: они настолько привыкли к ее присутствию, что «...от этого знания (смерть за плечом. – Ю. Ф.) не становится ни грустно, ни страшно... Мы просто продолжаем драться за жизнь. Мы больше делать-то ничего не умеем...» [19, с. 75]. Обилие отрицательных частиц, употребление выражения «драться за жизнь», где объектом битвы является не сохранение собственной жизни, а судьба другого человека «отсылает» читателя к военной прозе.

Примечательно, что концепт «смерть» нередко «соседствует» с концептом «Бог», при этом такое положение характерно и для наивной картины мира, и для профессионально-медицинской. Так, Т. Соломатина размышляет: «Можно увидеть смерть жизни. А можно – смерть каждой секундочки из девятнадцати лет жизни этой девочки! Творец вдыхает ду-

шу. Но дышать за нас не в силах. Поэтому, вдохнув, Он просто уходит играть в кости...» [15, с. 91].

Итак, феномен встречи героя со смертью в отечественном и зарубежном литературоведении, а также в философии изучен всесторонне. Так, например, Е. Фарино, полагает, что встреча со смертью происходит всегда на границе пространства-времени, специфика такого положения «состоит в том, что каждая ее точка принадлежит одновременно двум разделяемым сферам, а она сама из разделяющей превращается в разделяюще-объединяющую, в медиатора. Пребывание на такой границе носит характер амбивалентного состояния «присутствия-отсутствия», «реально-ирреального», «чужого-своего», «двойного бытия» и т. п. <...> Эти промежуточные состояния часто возводятся в ранг единственного состояния мира, они не предполагают перехода к состояниям четким и определенным. Они – не переход в равно реальное, а зона, которая позволяет соприкоснуться с «вечностью», с «запредельным» [18, с. 275]. При этом, учитывая тот факт, что на формирование профессиональной картины мира накладывает отпечаток специфика трудового процесса, объекты трудовой деятельности [10], представляется возможным предположить, что особое эмоциональное состояние героев художественной литературы вызвано именно амбивалентным состоянием «присутствия-отсутствия», а зона «соприкосновения с вечным и запредельным» «диктует» максимально отстраненное состояние.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта. – Волгоград, 2003. – 96 с.
2. Артемьева Е. Ю., Вяткин Ю. Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 127–133.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории и словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
4. Большой толковый медицинский словарь: в 2 т. – М. : Вече АСТ, 2001. Т. 2.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурологический концепт, типология и области бытования: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 8–93.
7. Ефремова Н.В. Внутренняя диалогичность в медицинских научных текстах // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 2. – С. 74–79.
8. Ефремова Н. В. Концепт «Смерть» (по материалам повести Н. М. Амосова «Мысли и сердце» // Наука в современном мире : материалы IX Международной научно-практической конференции (22 февраля 2012 г.); сб. науч. тр. / под науч. ред. д. пед. н., проф. Г. Ф. Гребенщикова. – М. : Издательство "Спутник+", 2012. – С. 278–282.
9. Жарова (Федорова) А. В. Профессиональная языковая картина мира сотрудника банка // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 5. – С. 26–31.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
12. Лихчев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.
13. Рогозин Д. Социология смерти // Отечественные записки. – 2013. – № 5. – С. 109–118.
14. Смерть // Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : ТЕРРА, 2003. Т. 4. – С. 398.
15. Соломатина Т. Акушер-Ха!: сборник повестей и рассказов. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
17. Ульянов А. Записки санитаря морга. – М. : Аст, 2013. – 416 с.
18. Фарино Е. Введение в литературоведение. – М.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
19. Цепов Д. С. Держите ножки крестиком, или Русские байки английского акушера. – М. : АСТ; Санкт-Петербург: Астрель-СПб, 2013. – 253 с.
20. Чернышова Л. А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы: монография. – М. : МГОУ, 2010. – 206 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Alefirenko N. F. Problemy verbalizacii koncepta. – Volgograd, 2003. – 96 s.
2. Artem'eva E. Ju., Vjatkin Ju. G. Psihosemanticheskie metody opisanija professii // Voprosy psihologii. – 1986. – № 3. – S. 127–133.

3. Askol'dov S. A. Koncept i slovo // Russkaja slovesnost'. Ot teorii i slovesnosti k strukture teksta. Antologija. – M. : Academia, 1997. – S. 267–279.
4. Bol'shoj tolkovyj medicinskij slovar': v 2 t. – M. : Veche AST, 2001. T. 2.
5. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie: Per s angl. – M. : Russkie slovari, 1996. – 416 s.
6. Vorkachev S.G. Napolnenie konceptosfery // Lingvokul'turologičeskij koncept, tipologija i oblasti bytovanija: monografija. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007. – S. 8–93.
7. Efremova N.V. Vnutrennjaja dialogičnost' v medicinskih nauchnyh tekstah // Vestnik Volgogradskogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. – 2015. – № 2. – S. 74–79.
8. Efremova N. V. Koncept «Smert'» (po materialam povesti N. M. Amosova «Mysli i serdce» // Nauka v sovremennom mire : materialy IX Mezhduнародnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (22 fevralja 2012 g.); sb. nauch. tr. / pod nauch. red. d. ped. n., prof. G. F. Grebenshnikova. – M. : Izdatel'stvo "Sputnik+", 2012. – S. 278–282.
9. Zharova (Fedorova) A. V. Professional'naja jazykovaja kartina mira sotrudnika banka // Vestnik MGOU. Serija: Lingvistika. – 2014. – № 5. – S. 26–31.
10. Karasik V. I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.
11. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. – M. : Nauka, 1987. – 264 s.
12. Lihčev D. S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija. – M. : Academia, 1997. – S. 280–287.
13. Rogozin D. Sociologija smerti // Otečestvennye zapiski. – 2013. – № 5. – S. 109–118.
14. Smert' // Jenciklopedičeskij slovar'. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – M. : TERRA, 2003. T. 4. – S. 398.
15. Colomatina T. Akusher-Ha!: sbornik povestej i rasskazov. – M.: Jeksmo, 2013. – 448 s.
16. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.
17. Ul'janov A. Zapiski sanitara morga. – M. : Ast, 2013. – 416 s.
18. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie. – M.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2004. – 639 s.
19. Cepov D. S. Derzhite nozhki krestikom, ili Russkie bajki anglijskogo akushera. – M. : AST; Sankt-Peterburg: Astrel'-SPb, 2013. – 253 s.
20. Chernyšova L. A. Otraselevaja terminologija v svete antropocentričeskoj paradigmy: monografija. – M. : MGOU, 2010. – 206 s.

© *Фатеева Ю. Г.*, 2016